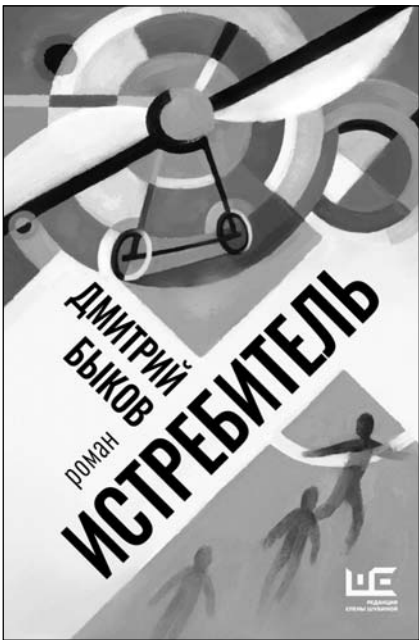

Мое знакомство с новым романом Дмитрия Быкова «Истребитель»¹ было подготовлено, «подогрето» отзывами некоторых коллег. Позволю себе привести мнение Галины Юзефович: «Взяв четыре года назад какую-то недостижимую, принципиально новую для самого себя, да и для всей современной отечественной словесности высоту в романе «Июнь», Дмитрий Быков, похоже, не планирует покидать единожды занятую вершину. Его новая книга «Истребитель»... похожа на «Июнь» как композиционно, так и по зашкаливающему, едва ли не избыточному уровню литературного совершенства». Тут комментарии не нужны — только промолчать. Почему-то на ум приходит слово «благоговейно». Оптимизм разделяет и редакция Елены Шубиной, выпустившая «Истребителей» астрономическим по меркам нашего не книжного времени тиражом в 15 тысяч экземпляров.

Сразу скажу, что дотошный читатель вправе потребовать рекламации. В аннотации ему обещан роман о «советских летчиках», далее — «сюжетные повороты романа, рассказывающие о подвигах в небе и подкованных сраже-

ниях в инстанциях». Ну ладно. Не главное. Проблема в том, что никакого романа в книге нет. Есть ряд эпизодов, которые внутренне никак не связаны. Самый первый — переосмысленная «Голубая чашка» Гайдара. Зачем — сложно сказать: герои эпизода больше в тексте не появляются. Остальное — череда описаний судеб реальных летчиков, артистов, конструкторов. Здесь автор пошел оригинальным путем. Он зачем-то лишает их настоящих фамилий и придумывает новые. Королев переименовывается в Царева, Серов становится Петровым, Валерий Чкалов — Василием Волчком. В предисловии Быков пишет: «Гриневицкий далеко не тождествен Леваневскому, Донников — Бронникову, да и Волчок сильно отличается от прототипа». Но проблема в том, что в романе биографии реальных летчиков и «истребителей Быкова» слипаются вплоть до трогательных совпадений со статьями из Википедии. Желающие могут проверить это, открыв, например, страницу, посвященную Леваневскому. Поэтому переименование выглядит несколько нелепо и кокетливо. Есть чувство, что отказом от прямой документальности автор хотел прибавить «литературности» тексту, который иначе выглядел бы как череда рыхло-

¹ Д. Быков. Истребитель. Роман. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2021.

ковые записи Бронтмана, потом журналист куда-то исчезает. Нельзя сказать, что по нему сильно скучаешь, но функционально образ проваливается. Кстати, предлагаю поклонникам Быкова провести эксперимент. Мысленно вырежьте какой-нибудь эпизод. Что изменится? Только объем «Истребителя». «Роман» не страдает, что еще раз говорит о жанровой устойчивости очередной «литературной вершины» автора.

Что касается некоторых линий прозаического сочинения, то возникает вопрос этического толка. Например, предлагается версия о любовной связи Серова-Петрова с Осипенко-Степановой. Учитывая, что речь идет о живых людях, у которых были дети, родственники...

Если отвести взгляд от «желтой» линии выхлопа «Истребителя», то попытка «дать психологию» также не впечатляет. Все сводится к стереотипам. Вот внутреннее состояние Чкалова-Волчка: «Он летел низко, владея машиной как никогда и ощущая ее как продолжение себя, а себя как истребитель, и вел всех за собой как собственные крылья. Перед полетом, тем более перед таким, он никогда не пил, но был пьянее и счастливее любого пьяного».

«Истребитель» конгениален всей прозе Быкова. Возникает ощущение, что каждый раз он пытается расписаться, поймать ритм, попасть в образы. Не попадает, но от души потчует публику плодами своих упражнений. Поэтому его романы всегда вызывают ощущение любительства, патологической недоделанности, несмотря на всю листажную щедрость.

Есть в «романе» «совсем альтернативная линия», точнее, пунктир, связанный с унылой попыткой создать образ советского доктора Франкенштейна — патологоанатома Артемьева. Его игры с воскрешением мертвых — желание автора придать глубину и метафизике заведомо вторичному продукту. Сюда же плюсуем идею Быкова о попытке создания советского сверхчеловека в тридцатые годы. Ей уже лет двадцать, но после выхода «Оправдания» широ-

ватых, небрежно написанных полудокументальных очерков.

Как бы скептически я не относился к творчеству Быкова и занебесным оценкам его «романов», не хочется, чтобы через «дцать» лет кто-то написал эпопею о «ревущих двадцатых», в которой мелькали писатель «Быков» и литературный критик «Фезюевич».

Внутренне связать фирменную быковскую бесформенность должен был журналист Бровман-Бронтман. Сам «роман» и возник после знакомства автора с дневниками прототипа. Снова из авторского предисловия: «Желание написать “Истребитель” впервые появилось у меня при чтении дневников журналиста-правдиста Лазаря Бронтмана (1905–1953), заботливо собранных, оцифрованных и прокомментированных его сыном Ростиславом (1930–2014)». Кстати отмечу, что Быков любит заботливо снабжать свои романы предисловиями, в которых он, как правило, пытается объяснить читателю что-либо о своем детище. В этом тоже есть определенная писательская недостаточность — внутреннее недоверие к своему тексту. Возвращаясь к Бровману: он является, автор «разворачивает» дневни-

кой популярности она не получила, поэтому не грех и повторить. Может, кому-то понравится.

Иногда альтернативность мира Быкова вызывает сомнения: она — продукт строгого авторского расчета или следствие непростых отношений писателя с тем, что мы называем остаточным продуктом базового школьного образования? Так, в эпизоде встречи Полины с дальневосточными старообрядцами-отшельниками в районе Комсомольска-на-Амуре упоминается экспедиция геологов, разыскивавших в том районе следы Тунгусского метеорита. Глобус в помощь.

Трудно отнести к живой игре авторского воображения и множество других деталей. В первом тексте — как помните, это «пересмысленный» Гайдар — фигурирует складной «пластмассовый стаканчик». Неплохо бы знать, что в середине 1930-х «пластмассовых стаканчиков» не было. Тогда они назывались бакелитовыми. В эту же копилку глубокое замечание автора: «Погоны, как мрачно шутят иные асы, подъемной силы не имеют». До 1943 года, когда в Красной Армии вернули погоны, еще далеко. Автор геополитически справедлив: достается и американцам, у которых Великая депрессия началась почему-то раньше 1927-го года.

Это не единственные примеры, которые показывают, как автор знает и чувствует. Художественная сторона «романа» гармонична сюжетной. Здесь мы встречаемся с фирменной словесной неряшливостью Быкова. Зачастую это дикое, но не симпатичное соединение банальности с языковыми провалами. Вот описание боя Серова-Петрова в Испании:

«Воздушный бой, как мы знаем, бывает двух видов — оборонительный и наступательный; этот был... бог его знает, пляска идиота перед волками, идиота, не имевшего целью никого обратить в бегство, а только спастись из собственной западни».

Пляшет писатель с душой, радуя читателей разными замысловатыми фигурами. Вот классическая тавтология: «Максимов ему делал катера с мотором из резинки на резиновом ходу».

Неплохо, может. Теперь чуть интересней. Автор пытается сказать, что Леваневский-Гриневицкий становится жертвой доносов: «На него кто-то сосредоточенно капал наверху». Чудесно, «литературно совершенно».

Есть непростая эротическая сцена, в которой писатель пытается неуклюже спарить Серова-Петрова с Осипенко-Степановой:

«И ничего между ними не было в эту ночь, ничего вовсе, кроме того, что было все, но без грубости, без раздевания, без буквального проникновения».

Чтобы не показаться оголтело-субъективным, следует найти нечто позитивное, радующее в тексте Быкова. И оно находится. В самом начале романа, из предисловия: «Этот роман — мое последнее обращение к советской истории. По крайней мере я так думаю, потому что в нем, кажется, объяснил себе ее феномен. Правильных, то есть универсальных, объяснений не бывает, но для меня эта тема закрыта».

Здесь мы можем сказать искреннее «спасибо», одновременно выразив сочувствие неизбежным следующим жертвам щедрого дара писателя Быкова. Вплоть до буквального проникновения в сознание читателя.

